

Виктор Шнип

НЕ БЫВАЕТ ТРАВА ОДИНОКОЙ...

Стихи

жизнеоп

Прошла весна и пролетело лето,
А запах прели сладок, будто мед...
Но даже пчелам безразлично это —
Они уснули... Значит, скоро в лед

Траву вморозит... Следом пеплом снега
Покроется округа... Средь зимы
Придет к поэтам утренняя нега
И будут строчки виться, как думы,

Что с труб печных плывут себе неспешно...
А там — весна опять и вновь тепло.
И лето быстро пролетит, конечно,
И год пройдет, лихой судьбе назло.

Опять листвой засыпана дорога,
А я стою... Не слышен голос мой.
Я должен... Я пройду еще немного
По тропке, что усыпана листвой.

...А жизнь улетаёт, как та паутина, —
За зноем июльским — осенняя тьма.
Стоит у дороги седая рябина
И ждет, что придет той дорогой зима.

Засыплется снегом унылое поле,
И лес побелеет, зеленый вчера.
И вырвется ветер на вольную волю,
Чтоб крикнуть зиме: «Наступила! Ура!...»

Владимир Липский

ПОДСНЕЖНИКИ В НЕБЕ

Повесть. Окончание¹

Ночлег на берегу озера

- **С**анька, ты умеешь разгадывать сны?
- Мамкин, ты лучше спроси, чего Блох не умеет!
- Санька, разгадай мой сон.
- Давай.
- Снилось, что немцы взяли меня в плен.
- Плюнь, Саша, три раза налево, три раза направо. Не будет такого. Я же с тобой.
- А мне снилось, что с Гитлером в шахматы играл, — вступил в разговор Леонид Проничев.
- Да ну вас, ненормальные, — даже разозлился Блох. — Я вот всю ночь прогуливался по саду с одной дамой. Идем под ручку, а с яблонь соловьи поют нам, аж заходятся. Вокруг — белым-бело от яблоневого цвета. И дама та все ластится ко мне, обнимает. Если бы не проснулся, пропал бы совсем...
- Мамкин натягивал унты. Руки не слушались.
- Что с тобой, Саша?.. Вялый какой-то. Вон голова твоя вся в росе.
- Температура, наверное.
- Не летал бы этой ночью, а?
- Что ты, Санька. Сам знаешь, заменить нечем, — Мамкин помолчал и добавил самое главное: — Дети ждут у озера Вечелье.
- Тогда сходи хоть в санчасть к Таньке Кирсановой.
- К ней загляну. Обязательно.
- Ну, не кисни, старик. До скорого.

¹ Начало в № 7 за 2026 год.

Татьяна Обуховская

БЕЗ КАМНЯ ЗА ПАЗУХОЙ...

Стихи

К
И
З
И
С
Т
О
Р
И
И

Гимн любви

Ее шаги неслышны, незаметны,
Неуловимы во вселенской мгле.
Взаимна ли она иль безответна,
Любовь ступает тихо по Земле.

И поступь так легка, неошутима,
Но целый ряд препятствий истребя,
Она прикосновением незримым
Коснется обязательно тебя.

Она овевать может громкой славой,
До высшего возвысить рубежа.
А может быть коварной и кровавой,
Но все равно ее не избежать.

Не спрятаться за реками, лесами,
За самую высокую горой,
Но часто мы ее находим сами,
Идя на казнь осознанно порой.

Кто верен ей, тот счастлив и беспечен,
Кто усомнился, будет обречен.
Наш путь земной, увы, недолговечен,
Но он ее сияньем освещен.

Во все века на море и на суше
Во имя вечной жизни на Земле
Любовь всегда спасает наши души
И делает их лучше и светлей.
Не забывая каждый миг прославить,
Судьбе своей ни в чем не прекословь.

Тамара Краснова– Гусаченко

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Повесть

Часть первая

«Прощание славянки»

И только когда на всем синем майском небе, ясном и пронзительном до боли, усыпанном цветущими яблоневыми ветками, сплошь залитыми кипящей роскошной пеной обильного цветения, проступили по всей его необъятной глубине черные горячие, прегорькие слова: «Не стало мамы...», я постигла истинный их смысл.

Мама умерла.

И, главное, особенно ясно поняла я, что вот теперь уже прямо и неотвратно следующая очередь за мной.

Словно до того мгновения не было никакого ведения, никакого ощущения и понимания, что я, как и все, стою в этой очереди.

Все было как и всегда: все так же чирикали воробьи, носились и хлопотали ласточки, мчались машины, летели самолеты, а где-то плыли корабли, шумели водопады, росли могучие леса, смеялись люди, и много-много всего происходило интересного на белом свете, но я-то знала, что на всем белом свете теперь не было и уже никогда не будет — моей мамы.

Это жуткое состояние, ощущение, что ты находишься между жизнью и смертью, впервые подкосило меня пять лет назад. Это был какой-то резкий обрыв и одновременно, что непонятно до сих пор, взлет, какое-то вознесение смертно испуганной души куда-то в неведомое, до иссушающей тоски непонятное: за что? Почему?

Чемоданы собраны, дом прибран, холодильник опустошен, вычищен до блеска, билеты — на столике, рядом

с паспортами, все как положено перед отъездом не на два-три дня, а в отпуск. Вещи в чемодане: пара пляжных комплектов, легких и светлых сарафанов, в придачу веселое чтиво, чтобы посмешить любимого сына. Три года не виделись: военный, он не всегда мог поехать в отпуск вместе со своей семьей, и вот теперь мать готовилась.

Путевки купила заранее, предварительно согласовав все даты и место отдыха. Долго и придирчиво подбирала пансионат, учитывала мельчайшие детали: и близость к морю, и комфортность, и моменты самого активного отдыха, интересных путешествий, новых встреч.

Долго оговаривалось, переносилось, уточнялось время и способ, чем добираться до Ялты. Именно туда все решили съехаться: сын Колюшка с семьей из России, где он служил, мать с отцом и младшей сестрой Аленкой из Беларуси, где они давно уже жили, переехав по месту службы мужа — военного летчика — главы семейства.

Сон был зыбким 23 июня 1999 года, лета жаркого, сухого и на удивление погожего для самой северной области Беларуси — Витебщины.

Но было предчувствие какой-то надвигающейся беды, даже больше — трагедии неотвратимой.

Оно, это предчувствие, носилось в воздухе: то тарелка вдруг расколется в руках пополам ни с того ни с сего, то сон уйдет и не приходит по несколько месяцев, то тоска одолеет необъяснимая, да такая, что не знаешь, куда деть себя, места не находишь ни в доме, ни в саду, ни в траве высокой, ни в лесу молчаливом. Тогда припадала к земле, просила, молила каждую травинку, лепесток, стебелек: услышите меня, огордите, защитите, спасите!

Особенно просила накануне и просила упорно: не ехать автомобилем. Стучало во все невидимые окна непонятное чувство тревоги. Потому и настаивала не ехать машиной, как это делали все предыдущие годы.

А пока... Все подготовлено, продумано, потому глубоко и спокойно уснула. Все сделано так, как надо.

Под самое утро как будто кто-то прикоснулся, разбудил. В окна горела занимающаяся с востока заря. Яркая, немая, холодная. И страх подступил и схватил за горло, сдавил, сердце застучало в испуге... Что? Что-о-о? Почему?

Муж Владимир проснулся, заворчал:

— Вечно тебе не спится, рано еще.

Но она не слышала его. Она слышала только, как что-то страшное и непоправимое приближается, летит к ее сердцу. Вскочила, босая по дому пролетела птицей туда-сюда... Тихо. Мирно. Деревня спит, даже петухов не слышать. Рано еще.

Нет. Показалось.

И сморил сон, прилегла с краешку, еще хоть на чуток уснуть.

Стук раздался скоро, он гремел в двери, в окна, и, казалось, даже по крыше стучали громко, настойчиво, требовательно. Слетела по лестнице со второго этажа, рванула крючок. Стояла так в ночной сорочке, с пересохшим горлом и уже понимала: «Беда... Горе пришло в дом...»

Две соседки стояли на пороге и что-то говорили. Смысл сказанного ими был уже давно понятен, но... нет, не ясен, невозможен. Почему?... За что-о-о-о?..

Автомобиль мчался по дороге Санкт-Петербург — Ладога. В Череповец из командировки возвращались четверо. И только одному, спавшему

му на рассвете сладким крепким сном, приклоненному головой к самому стеклу задней левой дверцы автомобиля достался смертельный удар в голову. И это был ее сын Николай...

Вот откуда была эта тревога: весть о гибели сына черной стрелой летела из Череповца, то ненавистного, то страстно любимого ею города, куда пятнадцать лет назад сын уехал поступать в Высшее военное инженерное училище, под впечатлением от встречи с лейтенантом, приехавшим в школу набирать крепких, толковых, талантливых выпускников.

Там теперь была его семья, его служба, его любимая работа, верные и глубоко преданные друзья. Это подтвердило потом и время. Годы не сумели ни уничтожить, ни изменить их преданности. Неподвластна даже времени оказалась крепкая мужская дружба бывших курсантов элитного замечательного Череповецкого высшего военно-инженерного училища.

И вот уже из Беларуси летел, высоко поднимаясь в небо, в невероятную высоту крик матери. Это даже был не крик, так не кричат люди, звук до невероятной степени пронзительный и, как удар сабли, острый, переполненный нечеловеческой болью. «Почему?..» Это сердце матери кричало невыносимо жутким, пронзительным стоном, надрывалось от смертного удара, обливалось самою горькой и самою страшной на свете болью.

Где встретились ядовитая стрела и материнское сердце — там всегда теперь снег. Не растет там трава, и снег не тает ни-ког-да. Там, как после ядерного взрыва, просто все черно и пусто. А если вырастет что, то неправдашнее, то такое, что только кажется живым. Там просто черная дыра с обманками в виде грибов и ягод волчьих, прикидывающихся лесной земляникой.

Не стало сына.
Где ты, мой сынок?!
Платочек с кровью, в узелке — песок...
Разрезали меня, зашить забыли
Живую, без наркоза, наяву.
Ах, если б знали вы, как больно было.
Как жить? Ходить? Дышать?
А ведь — живу...

Потом, проехав более тысячи километров через знойный июнь (стояла в то лето нестерпимая жара) из Витебска до Череповца, стояла в морге, обнимала голову сына, любимую, безмерно родную, прекраснейшую на свете, русую с золотистыми кудрями, целовала его, будто спящего, и все спрашивала: «Почему?» Ведь все остались живы, ни у кого ни царапины. А ее сын погиб... Смерть пришла во сне, потому на лице его навек застыла светлая, безмятежная улыбка. Сердце разрывалось: почему? Почему?

И не было сил дышать, говорить, ходить, смотреть. Не было сил жить.

Дыши, дыши, дыши!
Дышу, дышу, дышу!
Пиши, пиши, пиши!
Пишу, пишу, пишу!
Кричи, кричи, кричи!
Кричу, кричу, кричу...
Молчи, молчи, молчи!
Молчу, молчу, молчу...

Зоя Новосенко

УРОК МИЛОСЕРДИЯ

Рассказы

ПРОЗА

Вот такая любовь

Если бы у шестилетнего Юры спросили, что такое любовь, он бы не задумываясь ответил: «Это дядя Гриша. Он мамина любовь».

Но долго, конечно, Юра этого не знал. Он знал, что мама работает в столовой, откуда иногда приносит ему и его младшему брату Володе очень вкусные корочки хлеба.

Знал Юра, что его папа на фронте, а он, Володя и мама должны подождать, пока папа расправится с немцами. Немцы — это очень плохие люди, которые все-все хотели отобрать у других людей. Папа Юры и отцы других детей решили прогнать этих фашистов.

А вот когда прогонят супостатов, как бабушка соседская говорила, так сразу все воюющие домой и придут.

Юра часто представлял, как вернется папа с фронта, как все сядут за стол. А на нем будет много вкуснейшего пюре и вдоволь хлеба.

Пока мало хлеба. По карточкам выдают ему с Володи по небольшому куску на день, маме — больше, но все равно мало.

Она приносит им иногда из столовой немножко похлебки, немножко хлеба, но есть хочется быстро; даже играть скучно становится, когда очень захочется есть.

Вот в мечтах о приходе папы с фронта, о светлой жизни, о маме, которая так мало бывает дома, и жил Юра.

Что еще он мог знать о взрослой жизни? Да ничего, пока однажды не появился в их доме дядя Гриша — высокий военный в какой-то странной форме (в железнодорожной, позднее скажет мама).

Мама называла дядю Гришу непонятным словом «квартирант».

Елена Вечерская

ЕЩЕ ОДИН АВГУСТ...

Стихи

Ты благосклонно, август, растворишь,
Собой наполнив музыку и дали,
Твоя печаль, твоя любовь и высь
Мне обо всем давно уже сказали...
Твоих гортензий розовая пена,
Моря и океаны заменив,
Захватит дух, и музыка Шопена
Прольется тайной, тайну сохранив...
Опустошив небесные карманы,
Твой звездный дождь опустится на миг...
И о любви, чарующий мой странник,
Бессмертной нотой скажет Фредерик...

Еще один август по-царски обнимет за плечи,
Еще один август приблизит небесные встречи
И звездную мантию бросит на Черное море,
И светлой звездой растает от счастья и горя...
Еще один август не сможет прожить без надежды,
Что снова вернется и будут такими, как прежде,
И тихие улицы эти, и души, и лица,
К которым по-царски пришел он по-царски проститься...
Еще один август наполнит пустые бокалы
Вином или светом на этих тоскливых вокзалах...
И в зал ожидания войдет, в расставанье не веря, —
Небесные встречи вернут все земные потери...

Я
В
И
З
Е
О
П

И ВЕК С ТОБОЮ НЕ РАССТАНУСЬ

К 80-летию Григория Васильевича Соколовского

НАСЛЕДИЕ

И век с тобою не расстанусь

2 сентября 2026 года поэту, заслуженному деятелю культуры Беларуси, лауреату специальной премии Президента Республики Беларусь «За высокие творческие достижения в области культуры и искусства» Григорию Васильевичу Соколовскому должно было исполниться 80 лет. Но так случилось, что его земное бытие оборвалось на шестьдесят пятом году жизни. Внезапно, неожиданно для всех, кто его знал лично и по литературным произведениям. А поэтом он был от Бога. И не мудрено. Как-то Григорий Васильевич признавался, что поэзия для него сродни исповеди. Так оно и было. Его произведения — это не механическое стихосложение на заданную тему. В них — голос его души. Он — в ясности мысли, художественности образов, мелодичности рифмы и ритма. По меткому выражению одного из почитателей творчества: его стихи не читаются, они текут из уст.

Впервые судьба свела меня с Григорием Соколовским 10 июня 2004 года в Минском облисполкоме. После увольнения в запас из пограничных войск и непродолжительного поиска работы на «гражданке» я, только-только принятый на работу в управление идеологической работы сотрудник, ознакомился с текущими документами. Открылась дверь, и в кабинет, поздоровавшись, вошел мужчина чуть выше среднего роста, плотного телосложения, с крупными чертами лица и высоким лбом. Таким было мое самое первое впечатление о посетителе. Вошедший представился: руководитель областной организации Белорусского союза журналистов Григорий Соколовский. Представился и я. Немного

помявшись, Григорий Васильевич достал из портфеля книгу и сказал, что хочет оставить управлению свой новый поэтический сборник. Подписав, он передал его мне и, попрощавшись, вышел. В моих руках оказался сборник стихов «И век с тобою не расстанусь...». Так состоялось первое знакомство с этим замечательным человеком и его творчеством, что было зафиксировано им собственноручно на титульном листе издания.

Поскольку в мои функциональные обязанности на новом месте работы входило взаимодействие с общественными организациями и политическими партиями, я навел о посетителе справки. Было в этом и личное — увлечение стихосложением: на тот момент мне уже дважды посчастливилось стать лауреатом международных литературно-музыкальных конкурсов за песни, написанные на мои слова.

Спустя год Григорий Васильевич пришел уже непосредственно ко мне. С просьбой оказать содействие в создании на Минщине региональной писательской ячейки. А вызвано это было негативными общественно-политическими процессами, происходившими в писательской среде всей республики. Патриотически настроенная часть литераторов, чтобы избавить писательское сообщество от политизированного противостояния с властью, решила «отпочковаться» от погрязшего в политических дрязгах руководства тогдашнего Союза писателей. Соколовский, узнав, что я увлечен поэзией и имею почти готовую рукопись авторского сборника стихов, предложил включить и меня в состав делегации от Минской области на предстоящее организационное собрание. С его легкой руки, как участник этого мероприятия, наряду со всеми я был принят в члены вновь созданного Союза писателей Беларуси. А затем были совместные хлопоты по решению организационно-правовых вопросов, поиску помещения...

Так началось и продолжалось вплоть до ухода Григория Васильевича из жизни наше литературное сотрудничество в рамках деятельности Минского областного отделения Союза писателей Беларуси, которое он возглавил. В 2008 году к моему второму сборнику стихов «Дело чести» Григорий Соколовский написал предисловие, в котором отметил: «Сборник имеет большое гражданское значение. Он представляет автора как человека, вошедшего в белорусскую поэзию со своим мироощущением и пытающегося по-своему его выразить в стихотворной форме». В 2009 году по его инициативе несколько моих песен были поданы на республиканский литературный конкурс и я был награжден дипломом III степени Республиканского конкурса «Лепшы твор — 2008» в песенном жанре за создание цикла песен «Мы служим с тобой на границе». Были совместные поездки в трудовые и воинские коллективы, творческие семинары, просто встречи и обсуждения новых литературных произведений. Все эти перечисления — дань благодарности этому человеку за участие в моей творческой судьбе и не только.

А еще нас сближала офицерская солидарность. Как-никак — оба полковники, много лет отдавшие службе на благо Отечества. И не показное, не демонстративное, а внутреннее чувство справедливости и патриотизма. Что, собственно, отражалось и в творчестве. Я всегда

отмечал в характере Григория Соколовского способность к состраданию и отзывчивость к чужим проблемам. Григорий Васильевич к коллегам по литературному цеху относился доброжелательно, а к оценке их творчества подходил корректно и уважительно. В памяти всех, кто его знал, он таким остался и спустя пятнадцать лет после ухода из жизни. Он навсегда вписал свое имя в русскоязычный сегмент современной белорусской литературы. Пророчески звучат слова из его стихотворения, ставшие названием той самой книги, оказавшейся у меня в уже далеком 2004 году: «И век с тобою не расстанусь, // Мой белый лебединый свет, // Коль грешен — вовремя покаюсь, // Отбросив, будто хлам, навет. // И век с тобою не расстанусь, // Моя славянская земля, // Я, даже к звездам взмыв, останусь // Пушинкою на тополях...»

Не сомневаюсь, что благодаря своим произведениям Григорий Васильевич Соколовский останется в памяти потомков.

**Леонид Кривонос,
председатель Минского
областного отделения
Союза писателей Беларуси**

Григорий Соколовский

Моя земля

Спокойнее страны
Не знаю,
Чем ты, родная
Беларусь!
Пусть и на время
Уезжаю —
Жду не дождусь,
Когда вернусь.
К голубоглазому

Раздолью,
К дубравам,
Заливным лугам,
Где окрыляешься
Любовью,
Становишься
Добрее сам.
Здесь от земли
До поднебесья

Исходит радости
Тепло
И нежной,
Задумчивой песней
Звенит и город,
И село...
В косынках
Белые березы
Навстречу поутру
Бегут,
И светятся,
Как жемчуг, росы,
Да соловьи
Вовсю поют!
На лицах —
Светлые улыбки,
Куда-то вдаль
Манят огни...
И этот мир
Довольно зыбкий —
Дай бог навеки
Сохранить!

Беларуси

Завидуют тебе,
Моя родная,
Святая
Васильковская страна,
Что радуешь
Не только урожаем,
За то, что сохранила
Имена
Сынов и дочерей
В годину смуты,
Не отреклась
От пройденных дорог,
Что стали
Брестской крепостью, по сути,
Душа твоя
И праведный порог.
Что не сломала
Никакая сила
В кровавых,
Изнуряющих боях,
Что выстояла в схватке,
Победила...
И гордо реет твой
Державный флаг!
Что путь нелегкий
В двадцать первом веке

Торишь через
Завалов клевету.
Все отдаешь
Простому человеку,
В явь превращая
Давнюю мечту.
Завидуют тебе,
Моя родная,
Святая
Васильковская страна.
Ты — песня
Аистинная живая:
Любовь, надежда,
Вера и весна!

В родном доме

Не распечатано
Спиртное,
Но хлеб нарезан
На столе,
Дымит душистое
Жаркое...
Сегодня снова я
В селе.
Вернее,
В материнской хате,
Где мальчуганом
Резвым рос,
Об этом —
Снимок над кроватью
И первый
Длинноватый тост.
За дверью —
Прожитые годы
Да этажерки старой
Тень...
И кажется,
Моложе, вроде,
Я становлюсь
В ненастный день.
А вьюга плачет
И страдает,
Хватая тополь
За плечо...
И кто-то чарку
Поднимая,
Перекрестившись,
Пьет молчком.
Сестра в платочке
Синеватом

Не покидает
Ни на миг,
Вдруг песня
Вскинулась крылато
Над захмелевшими
Людьми.
Пристроюсь ближе
К гармонисту,
Как мог ему я
Подпевал...
И чем-то дорожим
И близким
Дом мое сердце
Согревал!

Откровение

Луг покошен,
Соек переключка...
Нарастает перестук
Колес.
Это вновь из Минска
Электричка...
Что душе
Щемящий звон принес?
Радость
Или разочарованье,
Счастья всплески
Или же беду?
Околдован
Васькиной ранью,
Я к тебе
На исповедь иду.
Наговоры напроць
Отметая,
Мучаюсь в тисках
Прожитых лет...
Как мне объяснить?
Понимая,
Что назад
Дороги уже нет.
Отшумело...
Машет мне
Тревожно
Берег обвалившейся
Мечты...
Брошусь на колени,
Если можно,
Чтоб простила
На прощанье ты!

Стало жутко
От мысли:
Вдруг погибну
В бою?
Тучи грудой
Нависли,
Окружил
Неуют.
И далекие
Горы,
Будто птичье
Крыло...
Не представлю,
Что горе
Постучится
В мой дом,
Что волною
Окатит
Эта черная
Весть...
Я шепчу себе:
— Хватит
На судьбе
Ставить крест.
Я еще
Повоюю,
Я еще —
Поживу...
Мысль о смерти
Линчую
И гляжу
В синеву!

Встрепенись, душа,
Как птица,
С прошлым нету
Сладу...
Снова мне Афган
Приснится
В пору
Листопада.
Солнцем желтым
Одурманит
И теплом
В придачу,
Память беспощадно
Ранит,
Как в ней жить

Иначе?
 Под ногой
 Колючий гравий,
 Даль ветра
 Мотыжат...
 Та война — игра
 Без правил:
 Кто погиб,
 Кто выжил.
 И плывут в тумане
 Лица
 Песнею
 Не спетой...
 Встрепенись душа,
 Как птица,
 С прошлым сладу
 Нету.

Ты от радости
 Хохочешь,
 Голос твой
 Как будто гусли...
 Говори,
 О чем захочешь,
 Только бы
 О Беларуси,
 Я пойму
 Слова-искринки
 О лесном
 Привольном крае,
 Речку каждую,
 Тропинку
 В своем сердце
 Ощуцаю.
 Расскажи
 О буйных ливнях,
 Ярких радуг
 Семицветье,
 О приеманской
 Малине,
 Слаще нет ее
 На свете.
 О весне,
 Что светлой ночью
 Принесли на крыльях
 Гуси...
 Говори,
 О чем захочешь,
 Только бы
 О Беларуси!

Спешу на исповедь
 К тебе
 С поникшей
 Головою...
 Как благодарен я
 Судьбе,
 Что нас свела
 С тобою!
 Представить даже
 Не могу,
 Что рядом бы
 Другая...
 Я пред тобой всегда
 В долгу,
 Кровинушка
 Родная.
 Все было в жизни
 Непростой:
 И радости,
 И слезы...
 Я счастлив, что делил
 С тобой
 И солнцепек,
 И грозы.
 Хоть побеждал не раз
 В борьбе,
 Но был твоим я
 Пленным!
 Спешу на исповедь
 К тебе,
 Как в храм любви
 Нетленной...

Алла Конопелько

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

НАСЛЕДИЕ

Ужели к вам легко и вольно
Вхожу в сиреневые сны —
То теплым лучиком весны,
То плеском ласковой волны —
И вы не молвите: «Довольно»?!

В такие светлые мгновенья
Душа встречается с душой
За той разлучною межой,
Где я не стала вам чужой, —
В ином бытийном измеренье.

И то сказать, во сне ли дивном
Иль наяву, — как той весной, —
Но, воспаряя над землей,
Летим и дышим синевой
Как бы в порыве двуедином.

Замкнут круг. Но просвет недалече.
Знать, и эта беда не беда.
Вот она, долгожданная встреча —
Белых птиц надо мной череда.

Тяга к светлому неодолима.
На заре — лебедей переклик.
И над темной житейской долиной
Божьей Матери яснится лик.

Птицы милые, вы не устали?..
И над этой юдолью земной

Я стремлюсь за спасительной стаей —
Лебединой, святой, золотой.

Я только журавлиный крик,
Что вырвался наружу,
И в сердце к вам проник,
И растревожил душу.

В мерцании звезды
Еще он отзовется
И в чистоте воды
Из вашего колодца.

Памяти И. П. Мележа

Как та рябина, цвела в это лето Ганна.

«Люди на болоте»

— Ган-на! — вызывают скорбящие ветры,
Бродят, стенают и сходят с ума.
Ганна, как много печального света
К нам на Полесье послала зима.

Снегом разлуки, прощально, сурово,
Путь заметен аж до самой весны.
Ганна, скажи заговорное слово,
Чтоб отошли непробудные сны.

Ты их пошли на бегущие воды,
Ты их на лозы сухие пошли...
Ганна, Он выстрадал душу народа.
Плачут и верят Его журавли.

Вера в бессмертие необорима.
Всходит созвездье во мгле декабря.
Ганна, печали живая рябина,
Белая Русь окликает тебя.

И поросла полынь-трава.
И, городом распятый, бился ветер.
Какие горькие слова:
«Я пред тобой виновен, я в ответе...»

И ночь.
И Млечный Путь.
Века назад!
Иуда в звездах медную монету

Узрел...
И предал.
Вечен над планетой
Любви и отчуждения звездопад.

Я с вами расстаюсь, родные птицы,
На грустном перепутье бытия.
И крики боли, и прощанья взмахи
Растают в небе. И надеюсь я,
Что вам поможет в дальнем перелете
Душа, которой одиноко здесь.
А то перо, что невзначай пришлете, —
И для нее спасительная весть.

Васильковая звездочка,
Зелено жито.
Вековечная сердца отдача.
Перепелочка серая,
Ой, расскажи ты,
Что печалится песня
И плачет.

Перепелочка серая,
Чистые росы
Ты пила
И хранила певучую силу.
Расплетала дивчина
Чернехоньки косы
И о светлой-пресветлой росе
Расспросила.

Встанет солнце за рощей,
Согреет тропинку,
Где разлучная песня
Еще не забыта.
Подпоет перепелка и мне
На зажинках...

Васильковая звездочка,
Спелое жито.

Я не могу не сниться Вам,
Когда иду в ночное поле,
Где смотрит жизнь глазами боли...
Я не могу не сниться Вам.

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

«АРХИТЕКТУРА СОЗИДАЕТСЯ НА ВЕКА»

ИНТЕРВЬЮ
С АНАТОЛИЕМ ШАБАЛИНЫМ

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ ЗМИТРОКА БЯДУЛИ: ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, АРХИВНЫЙ ДИСКУРС

МИКОЛА
ТРУС

Жизнеописания классиков белорусской литературы существуют в разных текстовых форматах, ориентированных на учебно-воспитательный, познавательный процессы, а также научный дискурс. В этом плане имя Змитрока Бядули (Самуил Ефимович Плавник; 1886—1941) не является исключением.

Основная цель нашей публикации — ввести в целостном виде в читательский, исследовательский оборот неизвестный документ, каковым является автобиография писателя, зафиксированная в 1928 году. Время создания наложило отпечаток и на содержание, и на стилевую окраску текста. Перед нами эксклюзивное жизнеописание, ориентированное не на делопроизводство, а на занимательный авторский обзор пройденного пути.

Обращение к архивным материалам, а к ним мы относим, кроме рукописных, и редкие издания прошлого, способствует не только разнообразию информации, но и актуализации первоисточников, новому прочтению биографий и творческого наследия известных авторов.

Анастасия Былина

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ПО ТРОПАМ ОТШЕЛЬНИКА

НА ПОСЛЕДНОМ

Анатолий Иванович Резанович — талантливый белорусский писатель, автор таких известных современному читателю произведений, как «Волчья стая», «Постижение истины», «Ожидание женщины», «О чем играет пианист», «Опасный транзит», «Охотник за искусством», «Полынь-вода», «Отшельник» и др.

Будучи родом со Столинщины, что на Полесье, он одним из первых написал заметку о полесском отшельнике, человеке, который провел, скрываясь в лесу, не только минувшую войну, но и задержался там на десятилетия. Затем из-под пера Анатолия Резановича появился знаковый роман «Отшельник».

Лес в романе — устойчивый образ-символ пространства, противопоставленного цивилизации — родной деревне главного героя — Ладороши. Лес — это территория, поспособствовавшая трансформации героя, место испытаний, уединения, свободы, где ничего не мешало размышлениям о смысле жизни, о ее важности или, наоборот, ее бессмысленности.

Лес представлен в романе как место *«на редкость хмурое, дикое, будто затерянное и забытое»*. Это и небольшая поляна на твердой возвышенности, которую окружает одна только низина, что успела, за годы отсутствия рядом живой души, зарости ольхой и кустарниками. Это и болото, опасное и гниющее, *«дно которого проваливается и затягивает все, что на него ложится и падает»*. Даже зверь здесь лишний раз не решится ступить...

Жители деревень боялись там бывать. *«Это обширное заболоченное пространство издавна внушало страх»*.

И все-таки люди селились рядом. Но не в самом лесу, не близко к пугающему болоту, а в нескольких километрах от Красного Берега. Да и то ненадолго. Бывало, какой-нибудь беглец или отшельник, спасаясь от преследователей, селился на сухом клочке земли, *«окруженной непроходимыми топями»*. И мог жить *«как Бог пошлет»*.

Мнение

АВТОРЫ НОМЕРА

Шнип

Виктор Анатольевич

Родился в 1960 году в деревне Пугачи Воложинского района Минской области. Окончил Минский архитектурно-строительный техникум и Высшие литературные курсы в Москве. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат первой премии Республиканского литературного конкурса «Залаты Купідон», Национальной литературной премии Беларуси. Заместитель директора издательства «Мастацкая літаратура», главный редактор журнала «Полымя». Живет в Минске.

Липский

Владимир Степанович

Родился в 1940 году в деревне Шелковичи Речицкого района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Публицист, прозаик, биограф, автор более 70 книг для детей. Награжден орденом Франциска Скорины. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь и других международных и республиканских премий и конкурсов. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Живет в Минске.

Обуховская

Татьяна Иосифовна

Родилась в 1970 году в городе Мосты Гродненской области. Окончила филологический и юридический факультеты Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Стихи печатались в республиканских периодических изданиях и коллективных сборниках. Живет в агрогородке Дубно Мостовского района Гродненской области.

Краснова-Гусаченко Тамара Ивановна (Гусаченко Тамара Ивановна)

Родилась в 1948 году в деревне Щепятино Брасовского района Брянской области (Россия). Окончила филологическое отделение Брянского государственного педагогического института. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор ряда книг для детей и взрослых и слов гимна города Витебска. Награждена медалью и орденом Франциска Скорины. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и нескольких международных литературных премий. Председатель Витебского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Витебске.

Новоенко Зоя Максимовна

Родилась в 1936 году в Витебске. Окончила Витебский государственный педагогический институт имени С. М. Кирова. Автор стихов и книги прозы «Детство в тумане войны». Живет в городском поселке Подсвилье Глубокского района Витебской области.

Соколовский Григорий Васильевич

Родился в 1946 году в селе Богдановка на Полтавщине. Окончил факультет журналистики Львовского военно-политического училища и редакторское отделение военно-политической академии имени В. И. Ленина. Поэт, публицист. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь «За высокие творческие достижения в области культуры и искусства». Умер в 2011 году.

Конопелько Алла Ивановна

Родилась в 1960 году в деревне Небытов Хойникского района. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книг поэзии «Цвет алешыны», «Летазлічэнне». Работала заведующей организационно-пропагандистского отдела Белорусского фонда культуры, в журнале «Полымя», главным редактором журнала «Крыніца», заместителем главного редактора журналов «Алеся» и «Вестник Беларусбанка». Умерла в 2015 году.

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Дизайн обложки Натальи Артёмовой

Подписано в печать 12.08.2026. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,01. Тираж 510. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2026
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2026
© УП «Мастацкая літаратура», 2026